

УДК 94(47).073

ПОМЕСТНОЕ ДВОРЯНСТВО И ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ЧИНОВНИЧЕСТВО ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

ШАТОХИН Иван Тихонович,кандидат исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

АННОТАЦИЯ. В статье предпринята попытка наметить направления для изучения проблемы повседневного служебного и бытового взаимодействия провинциального чиновничества и поместного дворянства в первой половине XIX в., установлены сложности познавательного и источниковедческого плана в изучении проблемы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: поместное дворянство, чиновничество, предводители дворянства, бюрократия, сословная корпорация.

LOCAL NOBILITY AND PROVINCIAL OFFICIALDOM OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Shatohin I.T.,Cand. Hist. Sci., Professor of the Department of Russian History and Documentation,
Belgorod State National Research University

ABSTRACT. The article attempts to outline directions for studying the problems of everyday service and everyday interaction between provincial officials and local nobility in the first half of the 19th century, and the difficulties of the cognitive and source study plan in investigating the problem are established.

KEY WORDS: local nobility, officialdom, marshals of nobility, bureaucracy, estate corporation.

Проvincialное чиновничество в своей каждодневной практической деятельности наиболее часто и тесно общалось с представителями дворянства в лице его сословных лидеров – губернских и уездных предводителей и с поместными дворянами. Специфика и сложность исследования проблемы повседневного служебного и бытового взаимодействия провинциального чиновничества и поместного дворянства связана с тем, что на протяжении всего рассматриваемого периода дворянство и чиновничество – это тесно связанные между собой социальные группы российского общества.

Ядро, основу провинциального чиновничества, особенно верхней его страты, составляли потомственные и личные дворяне, многие из которых имели или стремились иметь земельную собственность (а до реформы 1861 г. – еще и крепостных) как материальную основу будущего своего и своих детей. А это стремление априори означало желание чиновника-дворянина со временем стать помещиком конкретного уезда и полноправным членом местного дворянского общества. Кроме того, верховная власть была заинтересована в постоянной подпитке чиновничьего корпуса именно выходцами из высшего сословия как наиболее верноподданного и подготовленного к такого рода деятельности социального слоя. Для этого существовала законодательно регламентируемая система льгот и привилегий, позволявшая дворянам быстрее, чем выходцам из других сословий, делать карьеру и занимать начальствующие должности, а значит, получать доступ к новым более существенным материальным и нематериальным преференциям на службе и в обществе. До реформ местного управления и суда 1860-х гг. кадровый состав практически всех коронных учреждений в уезде формировался выборами от местных дворянских корпораций. Поэтому в

1857 г. в Российской империи 46% классных чиновников принадлежали к дворянскому сословию [15, с. 200], а на губернском уровне и того больше. По подсчетам В.А. Шаповалова, в 1860 г. в Курской губернии из 587 чиновничьих должностей 397 (67,6%) были заняты дворянами [24, с. 200].

С другой стороны, специфика и сложность исследования проблемы связана с тем, что невозможно говорить о более или менее едином общественном мнении высшего сословия в отношении коронной службы в силу очень широкой материальной и социальной неоднородности поместного дворянства. Поэтому следует различать позицию официальных лидеров дворянских корпораций (губернских и уездных предводителей), позицию представителей крупного и среднепоместного дворянства, которая порой могла существенно отличаться от мнений, отстаиваемых предводителями, и позицию мелкопоместной – самой многочисленной его части.

Предводители имели собственную позицию, как правило, подкрепленную мнением большинства наиболее активной состоятельной части губернской и (или) уездной сословной корпорации. Эта позиция, обеспеченная и защищенная их официальным статусом выразителей чаяний первенствующего сословия, усиленная сословной солидарностью и прочными материальными основаниями в виде крупной земельной собственности, всегда находила многочисленные способы быть зафиксированной в делопроизводственных документах и мемуарной литературе. Её изучение становилось уже неоднократно предметом специальных исторических исследований [3; 4; 6; 16; 24; 25], в том числе и диссертационных [10; 15; 18; 19; 20; 22; 23; 26]. Ели позицию представителей среднепоместного дворянства, отличную от официальных высказываний и мнений дворянских предводителей, еще можно найти и в документах различных коронных учреждений, и в мемуарах, то голос мелкопоместных дворян практически неуловим и неразличим. Однако их позиция по отношению к государственной служ-

© Шатохин И.Т., 2019

Информация для связи с авторами: shatohin@bsu.edu.ru

бе и оценочные суждения о представителях коронной власти нашли отражение в источниках, в том числе, и в нарративах, отражающих мнения и позиции предводителей дворянства и их контрагентов по полемике и противостоянию – представителей коронной власти. К сожалению, в целом история мелкопоместного дворянства в отечественной историографии практически не изучена [8; 9].

В-третьих, специфика и сложность исследования проблемы связана с тем, что авторы всех оценочных суждений, отражавших позицию дворянства в целом, отдельных его представителей или страт, словесных лидеров, не были в полной мере объективными. Каждый автор в той или иной степени был стороной, вовлеченной в событийную канву своего региона, во взаимоотношения с представителями разных уровней коронного управления, а иногда с министрами, сенаторами, членами Государственного совета и императорского двора. Либо они были жёсткими антагонистами местной бюрократии и имели личное неприязненное отношение к конкретным чиновникам, а через них это неприятие распространялось на весь корпус коронных служащих. Либо авторы в той или иной степени были связаны с чиновным миром: сами служили некоторое время, служили их отцы или сыновья, братья или дяди, племянники или иные родственники. Поэтому ко всем привлекаемым источникам мы стремились подходить максимально критично и непредвзято из-за их ангажированности, пытались при всяком удобном случае выявить степень этой субъективности и заинтересованности автора именно в такой подаче информации.

Наиболее опасным для бесконтрольной деятельности чиновничества коронных учреждений провинции было поместное дворянство, особенно мнение официальных лидеров дворянской корпорации – губернских и уездных предводителей дворянства. В рассматриваемый период предводители дворянства, возглавлявшие губернские и уездные сословные корпорации, были самым активным и действенным способом вовлечены в функционирование системы местного управления своих губерний и уездов.

Губернские предводители избирались депутатскими собраниями на трехлетний период, но утверждались монархом, который назначал одного из двух избранных дворянами конкретной губернии кандидатов. Губернский предводитель по своему статусу был вторым после губернатора должностным лицом, а его классный чин приравнивался к классному чину губернатора (IV класс). Он не только являлся формальным лидером дворянского общества и председательствовал во всех сословных депутатских собраниях, но и по закону был членом всех коллегиальных органов (комитетов, комиссий, присутствий), которые существовали в структуре губернского коронного управления. Кроме того, губернский предводитель имел законом гарантированную возможность самостоятельно официально вступать в административную коммуникацию с центральными институтами государственной власти (Сенатом, Комитетом министров, министерствами и ведомствами) и их руководителями. В исключительных случаях предводитель мог обращаться в отделения Собственной его императорского Величества Канцелярии или непосредственно к монарху.

Всё вышперечисленное показывает, что губернский предводитель дворянства по своему законом определенному статусу являлся важной, ключевой фигурой в губернском обществе, с которой не могли

не считаться все государственные служащие, включая губернатора. Если же к этому добавить, что многие предводители обладали неординарными личными качествами, усиленными жаждой власти, административным опытом, авторитетом и харизмой, то редко когда их взаимоотношения с губернаторами и другими облечёнными правами государственной власти лицами в губернии были бесконфликтными.

Конфликты эти были практически перманентным явлением в провинциальной жизни на протяжении всего рассматриваемого периода. Они то затухали, то разгорались с новой силой, вовлекая не только всё новых и новых участников на местах, но и столичные околовластные круги и властные коридоры. Поэтому рассмотрение эволюции взглядов поместного дворянства и, прежде всего, его официальных лидеров возможно, к сожалению, лишь через призму этих конфликтов. С другой стороны, именно в конфликтах, жёстких столкновениях, сопровождающихся эмоциональными всплесками и потерей контроля, в полной мере проявлялись истинные цели и мотивы действий, поступков, позиций их участников. Зачастую только благодаря этим конфликтам участники вольно или невольно озвучивали свои реальные ценностные ориентиры и установки. Это в конечном счёте оказывалось на страницах официальных делопроизводственных документов, в источниках личного происхождения – частных письмах участников и свидетелей событий, их дневниках и мемуарах. Так, информация, имевшая по своей природе латентный характер, оказывалась зафиксированной в документах, становилась доступной для современников и современных исследователей.

Предпринятый предшественниками глубокий анализ служебных конфликтов между представителями коронной и корпоративной власти в различных губерниях империи в XIX – начале XX вв. показывает, что природа их практически не менялась. Это была борьба за лидерство, за приоритет государственных или сословных интересов в реализации тех или иных управленческих решений, в осуществлении социально-экономических мероприятий. Однако на протяжении всего рассматриваемого периода менялись условия и обстоятельства, в которых развивались конфликты. А они, в свою очередь, были обусловлены теми стратегическими, концептуальными изменениями в системе управления, существенными подвижками в общественном сознании дворянства и чиновничества, происходившими под воздействием социально-политических событий, экономических преобразований.

Глубинную причину конфликтов между губернскими предводителями дворянства и губернаторами в первой трети XIX в. А.Н. Бикташева нашла в том, что в этот период шло выстраивание новой практики местного управления, сопряженного со становлением министерской системы, «когда в жёстком противостоянии местного дворянства и верховной власти определялся статус губернатора, ресурсы его власти и доступные ему рычаги управления регионами» [3, с. 71]. Для Казанской губернии «жёсткое противостояние», как считает А.Н. Бикташева, длилось с 1814 до начала 1830-х гг. Еще одним, в данном случае сопутствующим, обстоятельством, которое способствовало консолидации поместного дворянства в отстаивании своих интересов перед верховной властью в лице губернаторов, было сплочение российского дворянства в условиях

назревавшей войны с Наполеоном. После победы сплоченность и всеобщий патриотический подъём вылились в активизацию «депутатских выборных компаний в местные представительные органы власти» [2, с. 299].

Неудивительно, что в такой обстановке поместное дворянство с обостренными чувствами своего достоинства и значимости участия в делах Отечества стремилось решить в свою пользу вопрос о первенстве в местном управлении. Общественная активизация и, как следствие, рост конфликтности между лидерами коронной власти и сословной дворянской корпорации в 1810–1820-е гг. отмечаются и в других губерниях. В частности, в Воронежской губернии столкновения дворянских группировок с губернаторами М.И. Бравиным и Н.П. Дубенским имели место как раз в 1810-е гг. Об этих конфликтах со своей позиции поведал близко наблюдавший и косвенно участвовавший в них А.А. Бартнев, который подметил ещё один аспект, способствовавший разжиганию соперничества между представителями коронной и корпоративной власти. При описании одного из конфликтов А.А. Бартнев вскользь упомянул, что правительство в 1810–1820-х гг. при организации закупок и поставок для армии больше доверяло дворянству и его выборным, нежели чиновникам. Так, поставку тяглогового скота в 1812 г. в Воронежской губернии было поручено проводить «под наблюдением предводителей дворянства, а не чиновников особых поручений; ибо тогда рассуждали иначе чем ныне (речь идёт, соответственно, о 1812 и конце 1840-х гг. – Авт.): думали, что избранные обществом надежнее назначенных благоусмотрением одного начальствующего лица, основывающегося часто на заверениях секретарей» [1, с. 35].

Таким образом, тезис исследователей о формировании и развитии в первой четверти XIX в. у наиболее активной части поместного дворянства претензий на более действенное участие в делах государственного управления за счёт сокращения властных полномочий чиновников находит свое подтверждение. При этом можно говорить не о разрозненных эпизодах служебных трений по второстепенным вопросам, а об устойчивой практике осознания своего особого статуса, о постепенных попытках этот статус укрепить в условиях борьбы за господство в пространстве местной власти с набравшим силу чиновничеством.

Соперничество представителей дворянства как лидеров дворянских группировок в борьбе за влияние в местном управлении с губернаторами как главными агентами и проводниками политики государства, в том числе стоявшими на страже интересов бюрократии, в начале правления Николая I дополнилось новым, неожиданным для власти демаршем предводителей. Только что вступивший на престол монарх под влиянием событий 14 декабря 1925 г. пожелал понять состояние дел, мысли и чаяния высшего сословия, для чего обратился к губернским предводителям с предложением подать свои записки на его имя с изложением их видения положения дворянства в империи. Одним из таких ответов стала «Записка о нуждах дворянских», подготовленная и подписанная лидерами дворянских корпораций Нижегородской, Владимирской, Костромской, Рязанской, Симбирской, Саратовской и Новгородской губерний [17, с. 139].

Поместное дворянство на протяжении всего XIX в. крайне критически относилось к губернско-

му и уездному слою чиновничества, что нашло широкое отражение в дворянской публицистике и источниках личного происхождения. Прибывший в 1828 г. в Моршанский уезд Тамбовской губернии дворянин Н.В. Веригин так описал свои впечатления от первого контакта с местными коронными служащими: «...здесь я испытал все боли самолюбия не столько от грубого невежества крестьян, сколько от просвещённого нашего так называемого чиновничества, которое от крестьян отличалось умением читать и писать» [5, с. 119].

Давая характеристику кадровому составу государственных учреждений российской провинции в первой половине XIX в., историк Н.Ф. Дубровин отмечал: «Присутственные места заполнялись часто людьми недостойными, безнравственными и совершенно необразованными» [7, с. 565]. Такое состояние дел обуславливалось, по мнению этого автора, тем, что дворянство в ту эпоху находилось в «таком блаженном положении, что не желало обременять себя службой и всеми способами уклонялось от неё» [7, с. 566]. Отметим, что речь здесь идет исключительно о службе гражданской, а не военной и не в рамках дворянской корпорации.

Другой, не менее заслуживающий доверия выразитель дворянских интересов – публицист и писатель С.Н. Терпигорев (С. Атава) – объясняет одну из главных причин удручающей характеристики коронных служащих в дореформенных уездных учреждениях: «Начальство, т.е. исправников и подьячих для земских и уездных судов, мы выбирали сами, и так как, по правде говоря, хороший человек на эти должности не шёл, то выбирали мы себе начальство из всякой что ни на есть горечи: из самых захудалых дворянчиков, даже не помещиков, так – просто дворянчиков; из детей умерших или под суд отданных подьячих, служивших прежде в нашем уезде; из детей городских попов, почему-нибудь не принявших ангельского чина, и проч., и проч.» [21, с. 77].

В первой половине XIX в. помещики не шли на статскую службу, прежде всего, по двум основным причинам. Первая заключалась в традиции жить в достатке и неге в своём имении и не обременять себя какими-либо обязанностями, сопряженными с необходимостью ежедневного присутствия в учреждении, с ответственностью и подчиненностью вышестоящему начальству. При этом часть их этих «хороших людей» имела чин, полученный, как правило, во время непродолжительной военной службы. А после неё гражданская служба в первой половине XIX в. была совсем уже неуместной для дворянской этики и чести. Здесь следует в качестве аргумента напомнить, что в пореформенный период, когда гражданская служба в общественном сознании высшего сословия постепенно утрачивала одиозный характер, многие дворяне стремились сохранить на гражданской службе свои военные чины. Такая практика, с другой стороны, вероятно, косвенно подтверждает высказанный тезис о нарастающей в пореформенный период тенденции к обелению службы в местной коронной администрации в традиционных представлениях поместного дворянства. И одновременно свидетельствует о попытках дворян, поступивших на статскую службу, создать некий камуфляж своего нового чиновничьего статуса военными чинами, как психологическая индульгенция и защитная реакция от возможного явного или скрытого неприятия или даже презрения со стороны членов местной дворянской корпорации.

На земской службе по выборам и в начале XX в. часто можно было встретить председателей и членов земских управ штабс-капитанов, поручиков, подпоручиков.

Вторая причина состояла в том, что для молодых людей из состоятельных дворянских семей чиновничья служба не была привлекательным занятием по следующим обстоятельствам. Во-первых, поступать в канцелярию и стать частью тех, кого в благородном обществе презрительно именовали «крапивным семенем», «чернильными крысами», «бумажными душами», «приказными крючками» было несовместимо с дворянской честью, если она обеспечена материальным достатком родительского имения. Другое дело гусарский, а лучше гвардейский мундир, звон шпага и бокалов, боевые ордена.

Другим обстоятельством, являющимся продолжением и развитием вышеуказанного, была убежденность дворян, метко и ярко выраженная А.С. Грибоедовым, который вложил её в уста Чацкого: «Служить бы рад, прислуживаться тошно». Ставшие поговоркой слова были выражением мыслей и чаяний помещного дворянства в отношении и состояния дел, и желательного образа своей вероятной служебной деятельности. Дворянам, дорожившим честью, достоинством, исповедующим верность царю и Отечеству, претило, что «в реальности служба Отечеству часто подменялась службою "лицам", вельможам и высокопоставленным чиновникам, ... что это благородное дело дискредитируется корыстными и недалёкими людьми» [14, с. 27–28].

Третье обстоятельство, актуальное для дореформенной эпохи, связано с отсутствием у большого числа дворянских детей, прежде всего из мелкопоместных семей, документа об окончании учебного заведения, который давал бы право на занятие более или менее начальственного места в коронных учреждениях, чтобы не начинать службу с писца или канцелярского служителя. По нашему мнению, именно эту категорию – в основном представителей мелкопоместного дворянства – упускал из виду и не принимал в расчет Ю.М. Лотман, когда писал о практически тотальной службе российского дворянства в начале XIX в., о её фактически добровольной «обязательности» ради чина, без которого дворянину стыдно было представляться «недорослем».

Существовала и третья причина отказа состоятельных дворян от службы в государственных учреждениях в дореформенную эпоху. «Хороший человек» отказывался связывать свое имя с чиновничеством, погрязшим в коррупции и казнокрадстве. Ю.М. Лотман, характеризовавший нравы русского дворянства, отмечал, что служба «статская не считалась "благородной"». Её называли "подьяческой", в ней всегда было больше разночинцев и ею принято было гнушаться» [11, с. 25].

Такая позиция в XVIII – начале XIX вв. являлась частью дворянского мировоззрения и бытовала, без сомнения, во всех стратах сословия, кроме может быть, самой захудалой его части – мелкопоместного дворянства, экономическое положение и повседневная жизнь которого мало чем отличалась от положения и жизни крестьян, живущих по соседству. Толстовский Пьер Безухов в определённый момент своей биографии не хотел ни в чём участвовать из-за бесчестности всякого служебного дела. В этой радикальной позиции прослеживается тот же мотив, объясняющий нежелание «хороших людей» идти на статскую службу, только в гротескно преувеличенном масштабе.

А вот позиция отца-мемуариста первой половины XIX в. А.А. Бартенева по этому поводу вполне конкретна: «В гражданскую службу он ни в какую не вступал, потому что считал за грех извлекать пользу за счет ближних» [1, с. 18]. Важно, что по времени эти слова были сказаны примерно тогда же, когда свою позицию озвучил и толстовский герой – во второй половине первого десятилетия XIX в. Отец А.А. Бартенева умер в 1810 г. или 1811 г., когда сыну было 19 лет. Понятно, что эта мысль отцом была высказана, а сыном воспринята не ранее времени определения последнего на службу, т.е. примерно в 1805–1808 гг. Однако, несмотря на такую принципиальность в отношении коронной гражданской службы, Бартенев-старший все-таки определил своего 15-летнего сына на службу в Воронеже в совестный суд, не дав ему завершить полный курс обучения в народном училище. Говоря о причинах, побудивших отца прервать обучение старшего сына, мемуарист называет две: «...В четвертом классе, где изучались высшие предметы, отец мой не счёл нужным оставлять меня, боясь ли, чтоб я не увлёкся заманчивою идеальностью, подобно соседу его многоученому П., или по расчётливости, имея кроме меня еще шесть человек детей. Чтобы поскорее облегчить себя в содержании меня, и, кажется, по совету одного пожилого соседа полковника ... отец мой записал меня в статскую службу в совестливый суд...» [1, с. 32]. Как видим, экономическое составляющая, по нашему мнению, хоть и указана второй, является определяющей. Доходов от имения, а в будущем и самого имения для обеспечения семерых детей было явно недостаточно. Поэтому детей, по мере их взросления, нужно было как-то устраивать в жизни. Первым из детей в этой семье был автор мемуаров, которому отец постарался дать минимально необходимое образование и обеспечить небольшой, но стабильный доход, не зависящий от размера земельной собственности.

Предводители дворянства соприкасались с чиновничеством более тесно, чем помещные дворяне, а потому и лучше знали нравы и обычаи, царившие в этой среде. А потому, опекая дворян, предводители предостерегали тех, кому предстояло иметь непростое дело в суде или канцелярии. При этом они не могли удержаться и от общей характеристики чиновничества, суда, учреждений или конкретного государственного слуги. В 1828 г. предводитель дворянства Шацкого уезда Тамбовской губернии дал совет Н.В. Веригину «не выпускать из вида дела, которое пойдет в губернское правление». А потом добавил: «В этом высшем губернском судилище ... без денег и правое дело делается неправым, а наш губернатор всё подпишет, что ему подадут, хотя не будет участником мерзости своего секретаря Б-а, известного взяточника» [5, с. 128].

Предводители дворянства, имея установленные законом полномочия защитников интересов сословия, были способны потягаться даже с губернаторами. Однако даже обычный среднестатистический дворянин, критически настроенный и общественно активный, мог создать серьезные проблемы нечестным на руку чиновникам. Поэтому провинциальная бюрократия не любила таких людей, боролась с ними самыми разными способами, порой, не гнушаясь даже превышением своих полномочий и нарушением закона. Когда в 1828 г. дворянин Н.В. Веригин, служивший управляющим именьями генерала Л.А. Нарышкина в Моршанском уезде Тамбовской губернии, попытался найти управу на

судебных чиновников, то они постарались втянуть его в судебную волокиту, подключив своих покровителей в окружении тамбовского губернатора и требуя неужные для дела документы. Только личное обращение Н.В. Веригина к губернатору И.С. Миронову остановило необоснованные претензии чиновной коррумпированной братии [5, с. 127–129].

Дворянин Н.В. Веригин, будучи не местным помещиком, а всего лишь управляющим в имении генерала Л.А. Нарышкина, не был в полной мере инкорпорирован в дворянское общество Моршанского уезда Тамбовской губернии. Поэтому его не воспринимали серьезно местные чиновники. Помещики же, обладавшие крупной и средней земельной собственностью, имели до 1861 г. солидное влияние на выбор должностных лиц от дворянства в местные коронные учреждения, а после их утверждения – и на их деятельность. Выбирая из своей среды «просто дворянчиков» и иную «горечь», они считали и поступали с ними так, как писал С.Н. Терпигорев (С. Атава): «Ясно, что со всей этой братией нечего было церемониться, и мы действительно не церемонились» [21, с. 77]. Зависимость «этой братии» на коронной службе от воли помещичьей элиты уездов имела и иную природу, опять-таки образно сформулированную тем же автором: «Понятно, что вся эта голь была голодна, прожорлива и ужасно плодуща. Уже по одному этому она была у нас в полной зависимости и покорности. Кто даст ей муки, крупы, овса, масла, гусей, кто, хотя и заочно, воспримет от купели у неё ребенка? Кто, если она проворуется и попадет, наконец под суд, заступиться за неё перед губернатором? Не кто иной, как помещик...» [21, с. 77].

Появление в губернии дворянина, имевшего активную критическую позицию в отношении неправедных действий коронного чиновничества, создавало в первой половине – середине XIX века неудобство не только для чиновничества, но и для большей части поместного дворянства. Оно принимало сложившийся порядок в коронных присутствиях и канцеляриях, пользовалось услугами продажных чиновников, когда получало от этого выгоду, ворчал в своем кругу в случаях запредельных взяток. В этом отношении особенно некомфортно чувствовали себя чиновники – родственники такого правдоискателя. Поэтому неудивительной является радостная реакция двоюродных братьев Н.В. Веригина – губернатора Хирьякова и губернского почтмейстера Мисайлова (как он их именует в своих

мемуарах) – на его желание выехать из Уфы в 1828 г. для службы управляющим имениями генерала Л.А. Нарышкина в Тамбовской губернии. «Эти братцы, едва ли не из желания сбыть из Уфы неугомонный язык против подьячества, поспешили уверить меня, что на этой степени общественной работы я более принесу пользу и своему незавидному положению, и тому классу людей, "который, как говорил Хирьяков, ты называешь производителями, а нас истребителями"» [5, с. 118]. Автор ошибался. В 1828 г., согласно справочному изданию, статский советник Николай Дмитриевич Хирьяков был вице-губернатором (а не губернатором) и по должности председателем Казенной палаты Оренбургской губернии [12, с. 229].

Таким образом, длительное время действовавшая практика формирования части чиновничьего корпуса через делегирование дворянскими корпорациями своих представителей в коронные учреждения привела к тому, что эта часть местного чиновничьего корпуса в своем большинстве отличалась неприглядной характеристикой. Ей были присущи крайне низкий уровень авторитета, неэффективность в отстаивании государственных интересов и соблюдении законности, массовые злоупотребления своими властными полномочиями, следование в служебной деятельности своим корыстным интересам. Неслучайно главноуправляющий II Отделением императорской канцелярии барон М.А. Корф в своей аналитической записке, направленной в Совет министров в апреле 1862 г., жестко поставил вопрос о необходимости реформирования гражданской службы в империи вплоть до отмены института чинов. По его глубокой уверенности, чины «образуют из служащих какую-то отдельную, разобщенную с прочим населением касту, которая живет своею собственной жизнью, считает себя выше остального общества, и на которую общество также смотрит как на что-то чуждое и почти враждебное. Среди этой касты постоянно питается и поддерживается чувство самого ложного честолюбия, жажда к повышению и внешним отличиям...» [26, с. 129]. Здесь следует обратить внимание на то, что обладатели чинов, по мнению М.А. Корфа, разделяемому некоторой частью российской управленческой элиты, уже превратились в «касту», а «каста» и «остальное общество» находятся в конфликте, который должен быть снят ради будущего империи и существующего строя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бартенев, А.А. Жизнь и воспоминания одного дворянина [Текст] / А.А. Бартенев // Воронеж в воспоминаниях и письмах современников. XIX – первая четверть XX века. – Воронеж, 2015. – С. 8–116.
2. Бикташева, А.Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века [Текст] / А.Н. Бикташева. – М., 2012. – 496 с.
3. Бикташева, А.Н. Губернатор как жертва конфронтации коронной власти, губернского дворянства и «локального» общества (первая половина XIX века) [Текст] / А.Н. Бикташева // История и историческая память (Саратов). – 2012. – № 5. – С. 71–84.
4. Бикташева, А.Н. Казанский губернатор и Дворянское собрание: конфликты и ресурсы власти (первая половина XIX в.) [Текст] / А.Н. Бикташева // Вестник Черниговского гос. пед. ун-та. – 2006. – Вып. 33. – С. 81–87.
5. Веригин, Н.В. Записки [Текст] / Н.В. Веригин // Русская старина. – 1893. – № 4. – С. 113–152.
6. Дементьева, Е.Ю. Взаимоотношения администрации и дворянских обществ губерний Среднего Поволжья в пушкинскую эпоху [Текст] / Е.Ю. Дементьева // Пушкин и культура: тезисы межд. конф., посвящен. 200-летию со дня рождения. – Самара, 1999. – С. 86–87.
7. Дубровин, Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX века [Текст] / Н.Ф. Дубровин // Русская старина. – 1899. – № 3. – С. 539–569.

8. Истомина, И.В. Мелкопоместное дворянство Европейской России в 50-90-е гг. XIX века (по материалам Центрально-Черноземных губерний): автореферат дис. ... канд. ист. наук [Текст] / И.В. Истомина. – Белгород, 2013. – 23 с.
9. Истомина, И.В., Фурсов, В.Н., Перепелицын, А.В. Мелкопоместное дворянство в структурах местного самоуправления и управления [Текст] / И.В. Истомина, В.Н. Фурсов, А.В. Перепелицын // Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. – 2012. – № 1 (120). – Вып. 21. – С. 108–115.
10. Литвинова, Т.Н. Организация и деятельность дворянских сословных учреждений Воронежской губернии последней четверти XVIII – первой половины XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук [Текст] / Т.Н. Литвинова. – Воронеж, 2005. – 271 с.
11. Лотман, Ю.М. беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) [Текст] / Ю.М. Лотман. – СПб., 1994. – 399 с.
12. Месяслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1828: [в 2-х ч.] [Текст]. – СПб., 1828. – Ч. 2: [Местные правления]. 1828. – 527 с.
13. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. [Текст] / Б.Н. Миронов. – СПб., 2003. – Т. 2. – 583 с.
14. Муравьева, О.С. Как воспитывали русского дворянина [Текст] / О.С. Муравьева. – М., 1995. – 270 с.
15. Мурашов, Д.Ю. Провинциальное дворянство в конце 50-х – 70-х гг. XIX века (По материалам Пензенской губернии): дис. ... канд. ист. наук [Текст] / Д.Ю. Мурашов. – Саратов, 2004. – 245 с.
16. Першин, С.В. Сословные учреждения в России в первой половине XIX века (по материалам дворянских и городских обществ средневолжских губерний) [Текст] / С.В. Першин. – Саранск, 2010. – 316 с.
17. Першин, С.В. Обращение дворянских предводителей к российскому самодержцу во второй половине 1820-х – 1830-е гг. [Текст] / С.В. Першин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 6 (56): в 2-х ч. Ч. II. – С. 139–141.
18. Платонова, Т.В. Провинциальное дворянство в конце XVIII – первой половине XIX вв.: По материалам Саратовской губернии: дис. ... канд. ист. наук [Текст] / Т.В. Платонова. – Саратов, 2002. – 213 с.
19. Сизова, О.В. Дворянство Ярославской губернии в конце XVIII – первой половине XIX веков: дис. ... канд. ист. наук [Текст] / О.В. Сизова. – Ярославль, 1999. – 216 с.
20. Селиверстова, Н.М. Дворянство Среднего Поволжья накануне проведения великих реформ: автореф. дис. ... канд. ист. наук [Текст] / Н.М. Селиверстова. – Самара, 1994. – 24 с.
21. Терпигорев, С.Н. (Атава С.) Оскудение [Текст] / С.Н. Терпигорев. В 2 т. – М., 1958. – Т. 1. – 426 с.
22. Теряева, Е.В. Служащее дворянство Орловской губернии второй половины XVIII – первой половины XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук [Текст] / Е.В. Теряева. – Орел, 2009. – 230 с.
23. Чижова, В.В. Выборные от дворянства в системе местного управления Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX вв. На материалах Тверской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук [Текст] / В.В. Чижова. – Тверь, 2001. – 26 с.
24. Шаповалов, В.А. Поместное дворянство Европейской России в 50–90-е гг. XIX века (по материалам центрально-черноземных губерний) [Текст] / В.А. Шаповалов. – Белгород, 2014. – 544 с.
25. Шатохин, И.Т., Шатохина, С.Б. Российское дворянство и государственная служба в XIX – начале XX вв. [Текст] / И.Т. Шатохин, С.Б. Шатохина // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. – 2014. № 21 (192). – Вып. 32. – С. 106–110.
26. Цит по: Шепелев, Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи [Текст] / Л.Е. Шепелев. – Л., 1991. – 224 с.
27. Шестаков, М.В. Российское провинциальное дворянство в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв.: на материалах Тамбовской губернии: дис. ... канд. ист. наук [Текст] / М.В. Шестаков. – Тамбов, 2006. – 365 с.